

Р. С. Липец

**О ЗНАЧЕНИИ СВОДНЫХ
ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОБРАНИЙ**

(СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО ФОНДА И. В. КОСТОЛОВСКОГО) *

Разрозненность материалов одного собирателя, находящихся в разных архивохранилищах,— обычная и тяжелая помеха при учете и исследовании его научного наследия. Известно, что рассеяны по нескольким архивам записи таких крупных собирателей дореволюционного времени, как И. В. Костоловский, В. Н. Добровольский, П. И. Иванов и др. Даже архив С. И. Гуляева, так много сделавшего для изучения этнографии и фольклора Южной Сибири, до настоящего времени не только не опубликован полностью, но и не объединен. Обнаружение записей одного собирателя в разных местах объясняется главным образом тем, что местные собиратели были связаны, как правило, с несколькими научными обществами и учреждениями, куда и посылали свои материалы. Публиковалась обычно незначительная часть, а все остальное оседало в архивах обществ и в их редакционных портфелях.

Несомненно, что при одном из крупных научных архивохранилищ должен быть сконцентрирован сведенный воедино исчерпывающий фонд того или иного собирателя, первично систематизированный (по этнографическим рубрикам и по фольклорным жанрам), а также переписка.

Такое сводное собрание, составленное на базе рукописного фонда, взятого за основной, и приложенных к нему копий (машинописных, фотокопий, микрофильмов) с материалов того же собирателя, находящихся в других архивохранилищах, дало бы возможность получить с наименьшей затратой усилий представление о его деятельности и научном наследии. Вероятно, это наиболее доступная форма создания полного индивидуального фонда.

Целесообразно было бы, скопировав затем это сводное собрание при помощи машинописи, множительных машин или иными средствами, предоставить по экземпляру его в другие архивохранилища, также содержащие фонды этого собирателя.

Создание таких сводных собраний важно во многих отношениях. Во-первых, большинство собирателей прошлого века и начала нашего века работали стационарным методом, собирая фольклорно-этнографический материал в местности, где сами жили десятки лет. Они обычно изучали этот материал комплексно, привлекая и историю, и экономику, и данные по культуре местного края. Систематизированные и объединенные в сводном собрании записи позволяют воссоздать с наибольшей полнотой картину историко-этнографической специфики и бытования фольклора

* В основу статьи положен доклад, сделанный на Сессии Отделения истории АН СССР, посвященной итогам этнографических и антропологических работ в 1973 г.

у населения определенной местности в определенный отрезок времени, ограниченный длительностью жизни одного собирателя.

Во-вторых, благодаря обнаруженным в том или ином архиве дополнительным к основному исследуемому фонду материалам, обогащается содержание каждой отдельной темы, ярче выявляется методика работы собирателя.

В-третьих, сравнение ряда сводных собраний из разных районов страны, составленных примерно по одному образцу, позволило бы выявить и специфику и сходство фольклорно-этнографической культуры этих районов и, возможно, даже увязать ее с определенными хозяйственно-культурными типами и историко-этнографическими областями.

Ознакомление с объединенным фондом фольклорно-этнографического наследия собирателя может способствовать лучшей ориентировке участников современных экспедиций, направляемых в ту же местность, и сделать их работу продуктивнее. Они имеют огромные преимущества перед прежними собирателями, так как располагают не только разработанной методикой сбора материала, но и новой техникой звукозаписи, киноаппаратурой и пр., обеспечивающими точность и быстроту фиксации материала. Все это помогает в известной степени возместить недостатки кратковременного пребывания в «поле», особенно в «маршрутных» экспедициях, т. е. обследующих большое число пунктов. Данные современных экспедиций, в свою очередь, позволят дополнить и прокомментировать материал прежних собраний.

В архивах нашей страны хранится огромное богатство ценнейших фольклорных материалов (большой частью ныне не бытующих), иногда даже совершенно подготовленных к печати самим собирателем¹. Более интенсивная публикация таких записей, к тому же объединенных в сводном собрании, была бы весьма целесообразна. Ведь в современных записях нередко уже фрагментарные, стертые тексты традиционного фольклора.

1.

В данной статье использован опыт автора по составлению сводного фольклорно-этнографического фонда одного из наиболее даровитых и деятельных собирателей дореволюционного, а отчасти и советского периода — Ивана Васильевича Костоловского (14.I.1861—7.VII.1935), работавшего в б. Ярославской губернии.

В Архиве Института этнографии АН СССР хранится фонд Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее ОЛЕАЭ). В нем находится и собрание И. В. Костоловского, содержащее разнообразные этнографические материалы (по занятиям населения, жилищу, обычному праву, верованиям, обрядам и обычаям), отдельные сообщения по археологии и истории края, а также свыше 600 фольклорных текстов хорошей сохранности (песни, пословицы и поговорки, присловья и другие мелкие жанры, не считая дублетов и вариантов).

При разборе мною материалов Костоловского из архива Института этнографии АН СССР (далее АИЭ), было установлено, что значительные аналогичные материалы этого собирателя имеются в рукописных фондах Института русской литературы АН СССР (далее ИРЛИ) и

¹ Таковы, например, вторая часть харьковского сборника П. В. Иванова «От колыбели до могилы» — 406 текстов сказок (Архив Ин-та этнографии АН СССР); собрание И. Ф. Калининкова (в основном из б. Орловской губернии), содержащее свыше тысячи текстов разных жанров фольклора (Государственный Литературный музей); собрание С. И. Гуляева, преимущественно его этнографическая часть (Рукописный отдел Ин-та русской литературы АН СССР).

Географического общества СССР (далее АГО) в Ленинграде. Все эти материалы были пересланы в течение ряда лет самим собирателем в ОЛЕАЭ, Географическое общество и Институт антропологии и этнографии АН СССР, откуда впоследствии и поступили в места нынешнего хранения². Лишь небольшая и далеко не самая ценная часть этих материалов была напечатана в изданиях обоих научных обществ: «Этнографическом обозрении» и «Живой старине».

После обследования ленинградских фондов И. В. Костоловского, они были сличены с фондом ОЛЕАЭ, учтены дублетные тексты и разночтения, а также весь дополнительный материал³.

В Географическом обществе СССР оказались, помимо записей произведений фольклора и этнографических сообщений, большой историко-этнографический очерк «Еремейцевская вотчина» (древнее топонимическое название, охватывающее несколько сел Ярославской губернии) и пространное описание многодневного свадебного обряда (на 75 страницах in folio) с включением песен.

В ИРЛИ кроме фольклорных и этнографических записей сохранились историко-этнографические очерки, написанные Костоловским в последний период жизни (цикл очерков о Волге, о перестройке быта села в 30-е годы), и обширный раздел переписки. Систематизированные ответы на программу ОЛЕАЭ по обычному праву и верованиям⁴, естественно, вошли только в фонд этого общества⁵.

Машинописная копия всех трех архивов (частично после микрофильмирования) была систематизирована мною (на базе собрания в Институте этнографии). Ее объем составил 25 авторских листов (более 600 страниц), не считая дублетов и близких вариантов⁶.

Добросовестно записанные и вдумчиво комментированные материалы Костоловского относятся, как уже упоминалось, к б. Ярославской губернии (родине собирателя; он был уроженцем г. Углича): уездам Угличскому, Мышкинскому, Рыбинскому; в основном же — к селу Корма Рыбинского уезда и к соседним селам и деревням. Записи фольклора сделаны преимущественно в 900-е годы. К недостаткам записи, свойственным многим собирателям тех лет, приходится отнести отсутствие большей частью указания на исполнителя и известную суммарность ссылок на место записи. Датировка же, даже в пределах месяцев одного года, всегда может быть установлена по сопровождающему посылаемые материалы письму собирателя.

² Архивные шифры соответственно: АИЭ, фонд ОЛЕАЭ, ед. хр. 80, 352—355 (1898—1907 гг.); АГО, разряд 47, оп. 1, № 49—55 (1894—1935 гг.); ИРЛИ, разряд V, коллекция 41, папки 1 и 2 (1933—1935 гг.). Дальше в тексте статьи названия этих фондов, номера разрядов, коллекций и описей уже не приводятся.

³ В обработке архивных данных мне оказали помощь сотрудники Ин-та этнографии АН СССР Т. С. Макашина (выявила публикации И. В. Костоловского и литературу о нем, а также составила перечень научных учреждений и обществ, корреспондентом которых он был), О. В. Якимова (провела расшифровку микрофильмов); Н. В. Новиков (сличил тексты пословиц в двух ленинградских архивах, установив разночтения и дополнительные к московскому архиву тексты). Следует отметить, что Н. В. Новиковым был уже проведен опыт подобной подготовки сводного собрания (См. «Песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии». Подготовка текстов, вступительная статья и примечания Н. В. Новикова, Вологда, 1960). Мною в настоящее время предприняты поиски материалов Костоловского в архивах Ярославской области.

⁴ «Вопросные пункты по обычному праву (право собственности, артели, преступления и наказания, судоустройство и судопроизводство) и верованиям», М., 1891.

⁵ См. об этом: Р. С. Липец, Изучение обычного права в конце XIX — начале XX в. (Ответы И. В. Костоловского на «Вопросные пункты» ОЛЕАЭ), «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. IV, М., 1968.

⁶ Содержание сводного собрания И. В. Костоловского см. в приложении к настоящей статье. Сама машинописная копия хранится в Архиве Ин-та этнографии АН СССР (Москва) в фонде ОЛЕАЭ. Впоследствии предполагается публикация этих материалов.

2.

Несколько слов о самом собирателе.

И. В. Костоловский был членом или корреспондентом ряда научных обществ и учреждений. Поэтому изучение его фольклорных и этнографических материалов раскрывает в какой-то мере и установки в практической, отчасти и теоретической работе столичных и местных культурных центров.

Он был действительно «самоучкой», как определял его И. С. Абрамов, опубликовавший в выдержках его автобиографию⁷. Костоловскому мучительно не хватало знаний, общей культуры, хотя он и старался преодолеть это с огромной целеустремленностью. «Вполне сознаю,— писал он,— что мои труды требуют немалой обработки, но что же делать, я одно могу сказать, что я пишу одну только истину» (АИЭ, ед. хр. 355, л. 1, 15. VIII. 1902). Он мечтал приехать в Петербург для консультаций в Русском Географическом обществе и для знакомства со специальной литературой, которая в провинции ему была малодоступна (письмо хранится в АГО, № 51, лл. 30—31, 19. IV. 1902). Его интерес к науке был чрезвычайно велик.

Вырос Костоловский в очень трудных условиях. Бедность в семье была такая, что по дороге в городское училище мальчик вместе с нищими получал свой ломоть ржаного хлеба из особого окошечка в доме купцов Русиновых, таким способом подававших милостыню каждому, кто приходил за ней⁸. Но наблюдательный и любознательный с детства, Костоловский жадно впитывал знания, используя для этого малейшую возможность.

Вскоре в школе он выделился среди своих сверстников хорошим голосом и попал сначала в школьный, а затем в церковный (монастырский) хор. С хором он посещал окрестные деревни, дома горожан и помещичьи усадьбы, жадно приглядываясь к окружающей жизни и получая тем самым навыки к этнографическим наблюдениям.

Позднее Костоловский высказывал сожаление об упущенной возможности изучения помещичьих усадеб. «Как было бы дорого, если бы они были своевременно исследованы,— писал он.— Бытовая жизнь помещика и дворовых. Возникновение и начало усадьбы, их постройки. Сельское хозяйство при усадьбах... Часто помещики привозили крепостных крестьян из других мест; так, например, начнешь расспрашивать старожилов, выдающихся по говору, и узнаешь, что помещик завез крестьян из другой губернии»⁹. Костоловский не ограничивался изучением сельского населения, нередко обращаясь и к городу.

После многих лет скитаний по хорам, уже взрослым, Костоловский вернулся в Ярославскую губернию и поселился в с. Корма. Вел он здесь и метеорологические наблюдения для Главной физической обсерватории, что давало ему «скудные средства». Костоловский пытался было стать учителем. Обрабатывая свой клочок земли, он настойчиво готовился к сдаче экстерном экзаменов на звание народного учителя. «Труд для меня был немалый. Помню, как я во время сенокоса: поворочаешь сено граблями, а потом вынимаешь из кармана грамматику Пуцыковича и начинаешь учить коренные слова на букву ять»¹⁰. Экзамен он сдал, но учительствовать по каким-то причинам не смог, возможно потому, что числился «политически неблагонадежным».

⁷ См.: И. С. Абрамов, Краеведы-самоучки. По материалам, присланным в ЦБК, «Краеведение», 1928, № 2. Автобиографические данные есть и в письмах собирателя (АИЭ, ед. хр. 352, 1909; ИРЛИ, п. 2, № 15, лл. 1—6 об. и др.). Об И. В. Костоловском также см.: А. М. Астахова, И. В. Костоловский [некролог], «Советский фольклор», М.—Л., 1936, № 4—5; Р. С. Липец, Указ. раб.

⁸ И. С. Абрамов, Указ. раб., стр. 101.

⁹ Там же, стр. 99.

¹⁰ Там же, стр. 100.

Великая Октябрьская социалистическая революция всколыхнула деревню, стимулировала горячий интерес к своему краю. Костоловский был типичной для своего времени фигурой. Он увлекся открывшейся ему возможностью практически участвовать в самых различных областях общественной жизни, тогда как в царской России его инициатива была скована. А эта новая деятельность отвлекала его от скрупулезного сбора материалов по этнографии и фольклору, и в 20—30-е годы Костоловский несколько отошел от этих занятий. Так поступали тогда и многие видные этнографы: В. К. Арсеньев, Г. Ф. Чурсин, Л. Я. Штернберг и др.

Костоловский участвует в поисках полезных ископаемых, составляет важные метеорологические прогнозы (ИРЛИ, п. 2, № 28, 22. X. 34), читает лекции и доклады, пишет очерки о современной жизни деревни, стремясь уловить и зафиксировать зыбкие переходные формы быта, хлопочет об организации краеведческого музея, журнала и народного хора в с. Корма. По-прежнему интенсивно составляет он только словарный материал в Постоянную словарную комиссию АН СССР.

К фольклору же он возвращается, видимо, лишь в последние два года жизни. Но и тут он (как видно из сличения архивных записей фольклора) в основном только приводит в порядок старый запас материалов. Толчком к этому послужила анкета, присланная ему из Фольклорной секции вновь организованного в системе Академии наук СССР Института антропологии и этнографии, с вопросами о его биографии и деятельности и, очевидно, с предложением присылать фольклорные записи. Передачей своего собрания в надежное место он, будучи уже в очень пожилом возрасте, был особенно озабочен. Он стал систематизировать и тщательно перебеливать песни и пословицы, лишь частично дополняя их отдельными текстами и этнографическими наблюдениями — тем, что уже было подготовлено им раньше.

В течение 1934—1935 гг. Костоловский отправлял в Фольклорную секцию то песни (иногда по нескольким текстам), то законченный «многолетний труд» — собрание пословиц (тоже отдельными «сериями»). Работа шла медленно, так как он снабжал тексты новыми подробными примечаниями, показывая бытование фольклора в условиях местной жизни. Посылал он и очерки, написанные заново, с просьбой передать их в Географическое общество, если они не понадобятся здесь.

Подготовке своего собрания Костоловский отдавал все время. Посылая последнюю «серию» пословиц, он писал: «Я очень доволен, что мои собранные ... народные краткие творения нашли себе место. За них я беспокоился, так как живу предпоследние годы своей жизни. Этнографического материала у меня еще весьма много. Время от времени он будет Вам пересылаться» (ИРЛИ, п. 2, № 30, 23. XI. 34, лл. 1—2). Предчувствие близкой кончины (он был тяжело болен) пронизывает в этот период письма Костоловского, но на смерть, мужественно ожидая ее, он смотрел как на помеху в своих делах. Работал он буквально до последних дней, хотя силы его слабели. Последнее письмо И. В. Костоловского написано на узком, неровно оторванном клочке бумаги: «Сообщаю Вам, что я очень болен и посылаю Вам песни. И. Костоловский». Эти две песни написаны уже другой рукой, со школьным нажимом, все в строку, подпись неразборчива, дата — 30 июня 1935 г. Он скончался через неделю.

3.

Собрание И. В. Костоловского складывалось, таким образом, свыше 40 лет. Этнографический материал — обычаи, обряды и пр. — зафиксирован им в непосредственном бытовании, а фольклор — в период его относительно цветущего состояния. Большинство фольклорных текстов в собрании полноценны, имеют несомненную художественную значимость и достаточно надежны для всякого рода исследовательских построений.

Достоинство собрания Костоловского и в том, что оно — яркий образец применения в области изучения местной культуры и быта стационарного метода, убежденным сторонником которого он был. Собирателем, проживший десятки лет в одном селе, имел возможность проникнуть в глубь общественной психологии и скрытых от поверхностного, постороннего наблюдателя явлений (касающихся семейной жизни, например). Костоловский был участником жизни населения описываемого им района: и на свадебных торжествах, и на похоронах, и в волостном суде, и в полевых работах.

Для собирателя характерна также комплексность изучения: уверенное и постоянное привлечение при исследовании этнографии и фольклора (не мыслившихся им раздельно, как и вообще в науке того времени) социально-экономических данных, обращение к истории, археологии, лингвистике, естествознанию (больше всего метеорологии). «Я в местности все изучал: в естественноисторическом, в археологическом, климатическом и этнографическом отношениях», — писал он (ИРЛИ, п. 2, № 18, 1934, л. 1 об.). Фольклорно-этнографические наблюдения были для него только частью общего изучения края.

Но этнографии он все же придавал особое значение, чутко улавливая важность этнографических наблюдений для познания не только прошлого, но и настоящего. «Этнография поддерживает и подкрепляет нас в наших гипотезах, она показывает нам реальную жизнь. Археология и история без этнографии иногда — мертвая буква, темная неразрешимая загадка» (АИЭ, ед. хр. 80, № 166, л. 1 об.).

Занятия этнографией все больше увлекали Костоловского и стали, наконец, содержанием его жизни. Они были тесно связаны с общественными интересами собирателя. Он писал В. В. Богданову в 1909 г., что, наблюдая тяжелое положение крестьян, он решил «взяться за перо и описывать ... их современный быт, вместе с ними страдать и болеть одними с ними болезнями» (АИЭ, ед. хр. 352). Это была установка прогрессивной части русских этнографов того времени¹¹. В ответе на присылку ему программы РГО в 1903 г. он отмечал преобладающую роль в собирательской деятельности местных работников, в первую очередь учителей: «Только учителю деревни можно вполне видеть жизнь нашего крестьянина ... его бедность ... неурожай, радости его и скорби, его веселие и скуку» (АГО, № 32, л. 1 и об., 31. VIII. 1903).

С этих позиций и подходил Костоловский к сбору этнографических и фольклорных материалов. Несмотря на «заказ», так сказать, столичной науки собирать материалы в основном по духовной культуре, отчасти о семейно-общественных и морально-этических взаимоотношениях крестьян, Костоловский явно тяготел к социально-экономическим вопросам и уделял им большое внимание. При этом он старался, по его выражению, всегда «быть честным перед самим собой».

С наибольшей силой это выявляется, конечно, именно при описаниях экономики и быта дореволюционного села. Высказывания его в этом плане очень резки и прямолинейны. Так, ответы Костоловского на программу ОЛЕАЭ по обычному праву, далеко выходя за пределы ее пунктов, представляют по существу обвинение строя царской России, базирующееся на конкретном материале, который к тому же не лежал на поверхности, а мог быть известен только человеку, тесно связанному с деревней и пользовавшемуся доверием крестьян. Здесь его сообщения вытекают из самой тематики программы. Но иногда эти обвинения вкраплены в этнографический материал в самом неожиданном месте.

¹¹ Сопоставим это письмо с тем, что писал о своих занятиях русской этнографией В. В. Берви-Флеровский: «Я жил страданиями этого народа, я желал на себе испытать всю трудность его положения, чтобы изображать его во всей реальности» (Н. Флеровский, Три политические системы (без места издания), 1897, стр. 252).

Например, в середине описания одного из приемов народной ветеринарии он вдруг отклоняется от своего предмета (АГО, № 54, л. 23—27). Бросив замечание о захудалости беспородного и тощего крестьянского скота и плохом уходе за ним, он с жаром обрушивается на тяжесть условий деревенской жизни в 900-х годах. «Куда ни заглянешь в крестьянскую семью,— пишет он,— везде видна и повсюду сквозит нужда беспросветная. Зайдешь в дом — сразу бросается в глаза неряшливость: пол немывтый целые года, в избе холод; несчастные детишки лежат в кори, в заушице и в других болезнях... Хозяин дома вечно с нечесаными волосами... Во всем крестьянском сословии, особенно небогатых семейств, проглядывает страшная забитость. Мужик боится всякого начальства, начиная с деревенского десятского и кончая высшим начальством... Недаром у народа сложилась поговорка: „Ох, уж едет становой, видно пахнет уж грозой!“». Дальше он описывает, как волостной старшина добивается на сходе «раскладки» с крестьян по 50—60 копеек на его поездку в столицу, «в память бракосочетания их императорских величеств», с поднесением «хлеба-соли и святой иконы». «А где взять бедному мужику, у которого часто соли нет, и хозяйка берет из куриного гнезда остальные (т. е. последние.— *Р. Л.*) яйца, несет их продавать в город для того, чтобы соли фунта 2—3 купить?... Много, много неправды в волостных правлениях и его судах!» Затем он переходит к другой области деревенской жизни: «В деревне процветает тип торговца-кулака, который жмет несчастного крестьянина во всем. Мне очень часто приходилось наблюдать, как на наших сельских базарах обвешивают, обсчитывают крестьян, особенно женщин, продающих лен». Урядник «куплен торговцами за три рубля за весь базар, т. е. урядник никаких жалоб на торговцев не принимает... Одна женщина плачет — ее обсчитали, другая ревет — ее на 22 фунта в партии в 4 пуда льна обвесили. И вообще на базарах такая бесовестность, что стыдно становится за людей!», и т. д. Несмотря на народнический привкус в изображении якобы полной пассивности крестьянства, по этой гневной тираде можно понять, почему Костоловский «как бытописатель и за боевые корреспонденции» в газетах подвергался преследованиям и «жандармским розыскам» (ИРЛИ, п. 2, № 15, л. 1 и об.).

Принцип комплексности в изучении ярко выступает в очерке по истории «коноводства», т. е. передвижения судов конской тягой по Волге и ее притокам. В этом очерке в живой и увлекательной форме изложены сведения об организации артелей коноводов, о самом процессе передвижения судов, о быте деревень, откуда набирались рабочие, об их поверьях и быте и пр.

Неповторимы уже очерки о коренной перестройке быта ярославской деревни в 20—30-е годы¹². Надо отметить, что в свои очерки Костоловский обильно вводит диалектизмы, фрагменты прямой речи, т. е. по существу использует жанр устного рассказа.

Фольклорный материал Костоловский записывал выборочно, руководствуясь своими оценками, в которых чувствуется то же влияние народничества. Песни он признавал только такие, «которые вытекают от сердца самого народа» (ИРЛИ, п. 2, № 21, 20. VIII. 34), «которые народ сам творил», причем собиратель «не интересовался народными песнями разных писателей» (там же, № 18, после 21. VIII. 34, л. 1—2) и отрицательно относился к песням, принесенным с собой, как он выражался, «фабричной цивилизацией». Пословицы он записывал только услышанные изустно, а не изданные в «книгах для школ» и вообще опубликованные.

¹² К сожалению, большая часть написанных им в 20—30-е годы статей на различную тематику затеряна в редакциях этнографических изданий и известна лишь по упоминанию Костоловским их названий («На пороге двух эпох», «О музыкальном исследовании русской народной песни» и др.).

Большинство песен снабжено примечаниями собирателя, помещенными непосредственно за текстом песни. В примечаниях Костоловский старается дать сведения о распространенности песни, времени и месте исполнения, об обстановке и ситуациях, в которых она пелась. Исполнителей он указывает, как уже упоминалось, очень редко, лишь для того, чтобы точнее определить происхождение песни или особенности ее бытования. Так, он называет исполнителя исторической песни «Померкла, поблекла восточная звезда» о смерти царевича Димитрия, занесенной в Углич из Москвы портным Николаем Тихоновичем Кудрявцевым. По словам исполнителя, песня считалась «кантой», и потому московский «хозяин» разрешал мастерам петь под праздник именно ее¹³ (см. АГО, № 49, л. 123, 124 и др.).

Иногда примечания намного превышают объем самой песни. К свадебным и игровым песням он прилагает подробное изложение сопровождающего их действия. Такова, например, в собрании запись «сговорённой песни», приуроченной к моменту раздачи невестой даров и «выкупа» ее у подруг женихом:

«Ты, камка, ты наша камочка,
Золота камка узорчата,
Не давай, камка, отвертываться
Ни атласу, ни бархату,
Ни тому ли штофу на золот.
Что Иван-от ли волю взял,
Что Васильевич-то большую,
Что ту камку поразвернул,
Все узоречка порассмотрел,
Занавесочки пораспахнул,
Всех подружек порастолкнул,
Что и Анну за ручку взял,
Что Дмитриевну за правую».

«Эта песня,— пишет собиратель в примечании,— поется девицами тогда, когда после сговорки невеста делает всем дары и после дарения отправляется жених с невестой в сопровождении свах в горенку или другую избу обедать, так как во время сговорочного обеда молодые за все время целуются, исполняя [пожелание] гостей. Когда жених проходит с невестой мимо поющих девиц, которые припевали гостям песню, то девицы постараются отхватить невесту от жениха и поставить ее сзади себя. Жених остается один, а девицы, пропев песню, требуют от жениха за невесту выкуп, что жених и исполняет: дает девицам денег и выдерживает свою невесту из рядов девичьих и идет в горенку обедать. Обычай этот очень старинный и, к сожалению, стал оставаться, но еще вполне не оставлен. Я его уже проверял нынешним 1901 годом» (АИЭ, ед. хр. 353, № 66, л. 4 об.— 5).

Состав песен в собрании Костоловского очень разнообразен. Всего записано им более 80 произведений (не считая вариантов и дублетов): песни свадебные, календарные, беседные, игровые, а также некоторые песни литературного происхождения (по его терминологии, «не-народные»). Костоловский располагал песни в своих подборках в порядке их убывающей архаичности, а свадебные — согласно течению обряда, к которому они были довольно тесно прикреплены (например, «сговорённые», «застольные» песни, «будильные» причеты и т. д.).

Хочется отметить редкость некоторых видов свадебного фольклора, представленного в собрании. Таковы «будильные» причеты невесты, об-

¹³ Песня опубликована с другого списка в записи И. В. Костоловского, датированного 1915 г.; см.: «Песни и сказки Ярославской области» [Ярославль] 1958. Примечания собирателя к тексту из АГО и к печатному тексту дополняют друг друга.

ращенные ею к матери и подругам, в утро свадьбы. Эти причеты имеют устойчивую структуру. После вопроса как «спалась» им эта ночь, невеста сообщает, что сама она, проведя ночь без сна, «приуснула» на заре и увидела печальный вещий сон о своей судьбе:

«На восходе красного солнышка,
Нехороший сон привиделся:
Будто я млада-младшенька заблудилася,
В холодной росе обмочилася,
[Заблудилася] я во чужих людях,
Обмочилася я в горячих слезах».
(АГО, № 49, лл. 109 об. — 110)

Очень специализированы величальные песни: женатым и холостым, «шаферу», вдове, сироте и пр.

Знание нот и отличный слух помогли Костоловскому избежать неполноценности записей, обычной для большинства собирателей фольклора того времени, фиксировавших только словесный текст произведения. Костоловский записывал песни вместе с их мелодией; за эти записи, в числе прочих его трудов, он и был удостоен в 1916 г. серебряной медали РГО. К текстам песен сделаны им примечания: «Усвоен хорошо мною их напев» (ИРЛИ, п. 2, № 26, от 10.IX.34) и т. п. К большому сожалению, его нотные записи утеряны¹⁴.

Костоловский ясно ощущал большие сдвиги, происшедшие в облике деревни в 900-е годы, в период бурного развития капитализма. «Деревня со своим укладом весьма изменилась, совершенно, — она не та стала, что была 10—20 лет тому назад», — писал он в 1903 г. (АГО, № 49, лл. 135—136). Уделяя большое внимание отходничеству, он находил его влияние и в песенном репертуаре, где наряду с мощными традициями древней песенной культуры пышно расцвел жанр «городского», в том числе и «жесточкого», романса, проникшего в село и через непосредственное общение отходников с городом, и через лубочные песенники. Конечно, этот жанр не может идти в сравнение по своему художественному уровню с традиционным фольклором, но ведь и город поворачивался к отходнику не лучшей своей стороной. «Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно, физически и т. п.», — писал о «культурных сношениях» деревни с городом В. И. Ленин¹⁵. Свое место в этих «культурных сношениях» занимал и мещанский фольклор.

Однако Костоловский не заметил более раннего пласта песен книжного происхождения, отразивших влияние литературных направлений еще XVIII — начала XIX в. — сентиментализма и романтизма («Сережа-пастушок», некоторые баллады). Эти песни могли прийти к крестьянам не только из города, но и через те же помещичьи усадьбы¹⁶.

4.

Что же дает объединение всех фольклорно-этнографических материалов Костоловского, т. е. организация сводного собрания?

Только в Географическом обществе имеется историко-этнографический очерк «Еремейцевская вотчина», очерки о жилище и построй-

¹⁴ После Октябрьской революции Костоловский пропагандировал идею организации правильно поставленных народных хоров. «Русские народные песни должны стоять на первом месте в наших крестьянских хорах, — писал он в 1928 г. — В городах уже открылось много народных хоров, но в деревни они проникают весьма слабо» (И. С. Абрамов, Указ. раб., стр. 101).

¹⁵ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 45, стр. 367.

¹⁶ И. С. Абрамов, Указ. раб., стр. 99.

ках Ярославской губернии с рисунками и планами и отдельные очерки по местным промыслам. В соединении с очерками по истории реки Волги, написанными в этнографическом аспекте, они составляют довольно солидное историко-этнографическое вступление к остальным материалам собрания. Лишь в фонде ОЛЕАЭ находятся развернутые ответы на программу ОЛЕАЭ по обычному праву и верованиям, по существу тоже в форме очерков, под иным углом показывающие социальные отношения и древние традиции культуры в дореволюционном селе. В этих «ответах» выступает очень колоритно личность самого собирателя, острого публициста.

Большая часть свадебных песен была прислана Костоловским в оба научных общества и в Академию наук в более или менее разрозненном виде. Суммарное описание свадебного обряда и обычаев, сохранившееся в фондах Географического общества, помогает приурочить песни к определенным моментам обряда. В описание обряда вкраплены целиком немногие песни, но ряд других упомянут. Пользуясь этим описанием и сопоставив его с более краткими примечаниями собирателя к отдельным текстам песен в собрании, можно увереннее систематизировать их все. Наличие в трех архивах дублетов и вариантов отдельных песен всех жанров и пословиц позволяет свести воедино (конечно, с соответствующими ссылками) примечания собирателя, во многих случаях существенно дополняющие друг друга. Каждая из трех подборок пословиц содержит 300—400 текстов; но так как Костоловский включал в нее не только дублетный (и в вариантах) материал, но и новые тексты, всего в его собрании свыше пятисот пословиц. Несколько изменял он и расположение текстов, но лишь в подборке из ИРЛИ дал тематические подзаголовки к разделам, что позволяет четче представить его принцип рубрикации, тщательно разработанный, хотя, конечно, во многом не удовлетворяющий нас теперь. В подборке из ИРЛИ даны и наиболее продуманные и обширные примечания, показывающие применение пословиц в конкретных житейских обстоятельствах; например: «„Не согдится овес, что мимо житницы провез; весной втрисорога заплачу, да тебя ворочу!“ Обыкновенно в царское время крестьянская беднота, как только намолотят овса,— и скорее его везут продавать за бесценнок, а весной для посева покупают тот же овес в три-четыре раза дороже» (ИРЛИ, п. 1, № 13).

Жанру пословиц Костоловский, видимо, отдавал особое предпочтение, как наиболее соответствующему его публицистическим и философским наклонностям. «Сознавая великую мудрость народную, выраженную в пословицах и поговорках, я всякую поговорку неоднократно проверял и расспрашивал ее значение» (АИЭ, № 334, 13—14 мая 1903 г.); записывал «именно те, которые народ говорит» (там же). В 30-е годы свое старое собрание пословиц Костоловский подверг существенному пересмотру, удаляя все, что, по его разумению, не следовало помещать, как не соответствующее эпохе (ИРЛИ, п. 2, № 28, 22. X. 1934).

При компоновке сводного собрания целиком помещена все же полная подборка пословиц из фонда ОЛЕАЭ (взятого вообще за основу), а дублеты и существенные разночтения к этим текстам из двух других фондов указаны в примечаниях к каждой пословице. Дополнительные же тексты, вместе с примечаниями к ним, идут вслед за этой подборкой, так как вводить их в соответствующие по тематике места — значило бы нарушить цельность всех трех подборок.

Судя по некоторой вариативности многих текстов песен (и пословиц), можно сделать вывод, что записывал их собиратель нередко по памяти, зная издавна как местный старожил.

Если фольклорные тексты Костоловский большей частью систематизировал сам, то этнографический материал зачастую присылал как бы россыпью. Но все же в ряде случаев можно проследить намеченную им

группировку записей, соответствующую программам ОЛЕАЭ и РГО, которыми он пользовался. Эта рубрикация материалов, характерная не только для него, но и для научных установок его эпохи, была учтена мною при компоновке этнографических материалов собрания.

Костоловского в этнографических явлениях интересовала в первую очередь связь их с бытом и социальной средой, их место в жизни села (иногда и города, с которым у сельского населения были, конечно, постоянные контакты). Чтобы наиболее выпукло выявить эту установку собирателя, в сводном собрании мною объединен, по возможности, фольклорно-этнографический материал с единой функцией, независимо от его жанровой принадлежности (приметы, поверья, гаданья и пр.); например, благополучие отдельных отраслей сельского хозяйства, народная медицина. Традиционное народное миропонимание, восходящее к глубокой древности, но еще не изжитое полностью на рубеже нашего века, комплекс народных знаний, нередко содержащих рациональное зерно, выявляются наиболее четко при расположении материала по его функциям.

Письма Костоловского, сопровождавшие большей частью присылку фольклорно-этнографических материалов, нередко дополняют примечания к ним, помогают их датировке. Помещенные в хронологической последовательности, они позволяют проследить жизненный путь Костоловского, его взгляды на принципы собирательской и исследовательской работы. Значительная часть писем относится к советскому времени. Костоловский внимательно следил за тем, что происходило в области любимой им издавна науки. Живо воспринял он Первый Всесоюзный съезд писателей (1964 г.) с призывом А. М. Горького к молодым писателям изучать устное народное творчество. «Особенно меня интересует литературный подъем . . . Какое широкое поле открывается для деятельности молодых этнографов! Все надо записывать и заносить в этнографическую и фольклорную историю: что сегодня не запишешь, — завтра уже исчезло», — делится он своими мыслями в одном из писем (ИРЛИ, п. 2, № 34, 18.IV.35, л. 1 об.—2). В то же время его беспокоило, что занятия самой этнографией как бы уходят в тень: «Мало весьма у нас этнографов, все стремятся быть писателями, а этнографии не изучают, да и не знают, как ее и изучать» (ИРЛИ, п. 2, № 35, л. 3, 3. IX. 34). Он как бы стремится передать эстафету новому поколению собирателей; в ответе на анкету Фольклорной секции он обращается к сотрудникам ее: «Не останавливайтесь, и к Вам придет вера в свои силы! . . . В настоящее время от Академии наук очень много требуется энергии и дела» (ИРЛИ, п. 2, № 15, л. 6).

* * *

Хочется закончить статью теплым отзывом академика Э. К. Пекарского об Иване Васильевиче Костоловском. В 1916 г., когда Костоловскому присуждалась серебряная медаль РГО, Пекарский писал: «И. В. Костоловский принадлежит к числу скромных провинциальных тружеников в области русской этнографии . . . , задавшихся целью вести, так сказать, этнографическую хронику всем тем бытовым явлениям местной жизни, которые проходят перед его глазами или о которых ему удастся узнать от местных жителей». Ценность наблюдений Костоловского, пишет он далее, «неоспорима именно потому, что ведется она с редкой добросовестностью и черпается из непосредственного источника местным работником, у которого, говоря его словами, „вся народная жизнь как на ладошке“». Указав, что Костоловский уже давно по своим заслугам избран членом-сотрудником Общества, «которым, в полном значении этого слова он и является», что часть его записей напечатана, он пишет: «Остальная часть хранится в архивах ученых обществ . . . и ждет заботливой руки, которая бы извлекла ее оттуда, систематизировала разрозненный

материал и затем опубликовала в каком-либо издании» (АГО, р. 110, оп. 1, № 263, л. 179—181). Этот завет может быть выполнен в отношении не только Костоловского, но и целого ряда других его современников, путем создания сводных собраний и публикации их, чтобы долголетние труды этих собирателей послужили на пользу советской этнографии и фольклористике, а дело их жизни было завершено.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ СВОДНОГО ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ И. В. КОСТОЛОВСКОГО *

Историко-этнографические очерки (стр. 1—70)

Прошлое края. Курганы. Пустошь Жегалиха. Деревня Черны. Найденный клад. Судная изба XVII в.

Еремейцевская вотчина (с. Еремейцево Рыбинского у. и соседние села).

Сведения о постройках в Ярославской губернии.

Занятия населения. (Гончарное производство. Сусальное производство. Крупорушки).

Волга. (Исторический очерк об истоке Волги. Коноводство на рр. Волге, Мологе и Шексне. Наводнение 1926 г. Приметы и поверья береговых жителей, связанные с Волгой.)

Быт деревни 20—30-х годов.

Ответы И. В. Костоловского на программу ОЛЕАЭ по обычному праву (стр. 71—127)

Обычаи, приметы, поверья (стр. 128—307)

Метеорологические. Значение комет. Поверья в луну. О грозе. О зарнице. Ветер-крышеник. Паводки. Ледоход и ледостав. О наступлении холодов. Узнавание погоды по птицам, насекомым. Ведро и ненастье. Погода «на теплые горшки». 1-е апреля. О режиме зимы и лета.

Аграрные поверья и приметы. О будущем урожае. Зажины и дожины хлеба. Первая охапка соломы. О льне.

О скоте и домашних животных. Покупка скота. Выгон скота весной. Отёл, удои и пр. Падеж скота и народная ветеринария. Поверье в «отвод» семени, зерна, молока. Поверья о роге, об уходе за упряжной лошастью, обрубании у нее хвоста и подстригании гривы. Поверья о курах, наседках, яйцах. Пчелы. О кошках, мышах, домашних паразитах.

Народные поверья о птицах. Ворона. Ласточка. Галка. Кукушка. Ворон. Грач. Иволга. Воробьи. Трясогузка. Снегирь. Сова.

Бытовые обычаи и поверья (дом, утварь, одежда). Закладка бревен. Место для колодца. Печь. Облизывание ложки. Значение пояса. «Лапотное вино».

Народная медицина. Укус змей. Зубы. Чирей. Бородавки. Чиханье. Детские болезни. Паралитики. Нервные и душевные болезни. Талисманы: железо, орех, сучок и пр. Четверговая вода. Роды у женщин.

Обычаи и поверья, связанные со смертью. О соборовании. Предсмертный момент. Поминки. Тайная милостыня. Будет ли еще покойник в доме? О частях тела покойника.

Демонологические представления. Шишки. Домовые. Намной. «Наваливание стены».

Особые дни. Тяжелые дни. Благовещенье. Четвертая неделя великого поста. Вознесенье. Петров день.

Свадебные обычаи (с включением песен), *поверья и приметы.* Гаданья о браке. Поверья. Свадебный обряд (Сватовство. Гощение. Смотрины дома жениха. Богомолье, или

* Заголовки разделов и подразделов даны автором статьи.

благословенье. Побывашки. Сговорённая баня. Родительские, или приданные сухарики. Сговорка, или сговорёнка. Девичник. Ночь перед венчаньем и будильные причеты. Венчанье — свадьба. Крутильное. Свадебный пир. Княжой стол. Порошенье. Первая баня новобрачных. Отводины). Вьюнины.

Песни (стр. 308—428)

Свадебные песни * (сговорённые, или подблюдные, застольные, припевальные, причеты и пр.). Игровые, гульевые и плясовые песни. Доловые песни. Беседные «обыкновенные». «Народные» (традиционные лирические и сатирические) песни. «Не-народные» песни («фабричные», литературного происхождения и стиля — баллады и романсы). «Постные стихи». Стих калек переходящих. Исторические песни.

Малые жанры фольклора (стр. 429—547)

Пословицы и поговорки. Загадки. Присловья. Скороговорки. Потешки. Дразнилки. Звукоподражания и пр.

Переписка (стр. 548—606)

ON THE ROLE OF COMPOSITE FOLKLORE-ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS (THE COMPILATION OF A SINGLE I. V. KOSTOLOVSKI FUND)

The article describes the author's experience in compiling a complete folklore-ethnographic collection of an important local collector, I. V. Kostolovski whose records from the former Yaroslavl Province date in the main from the turn of the present century.

The importance of compiling such combined folklore-ethnographic funds of individual collectors is argued in the article. At present materials gathered by each collector are dispersed among many of the country's archives. These materials should be assembled (partly in copies) and systematized in one of the greater archives (with a complete copy transferred to other archives possessing funds of the same collector). This would conduce to: 1) a clearer view of the various methods used by the collector (stationary field base, complex methods etc.); 2) a re-creation of a general view of folklore and ethnographic characteristics prevailing among the population of a particular locality at particular time periods; 3) a comparison of the local peculiarities of material from various areas with the economic-cultural types and historical-ethnographic regions and, within each region, with temporal changes.

Studying such collections gathered by their precursors would promote better orientation and higher productivity in collecting materials by newly-organized expeditions.

Publication of valuable materials recorded by collectors in a period when traditional folklore was flourishing, and ethnographic phenomena, now dead and gone, were living and functioning, has a number of advantages compared to their fragmentary registration in a tarnished state that prevails at present. Present-day expeditions, on the other hand, have as their aim mainly observation and recording in the press of life as it is lived, not as it is artificially re-created.

---

* Терминология песен везде И. В. Костоловского.